

Лит. Россия. - 1990. - 18 мая (№20). - С. 19

В ПОГОНЕ ЗА СЕНСАЦИЕЙ

Петр ЛЕЩЕНКО

ОТРАДНО, что после долгого замалчивания возвращен отечественной эстраде русский певец Петр Константинович Лещенко.

Первая о нем публикация в СССР принадлежит филофонисту из Ростова-на-Дону М. И. Мангушеву («Магаданская правда», 27 января, 1988). Михаил Иванович Мангушев на протяжении десятилетий в одиночку «вел борьбу» за несправедливо отторгнутых или забытых певцов. 11 июня того же года в газете «Комсомолец Кубани» появился мой очерк о П. К. Лещенко «Осталась песня», во многом опиравшийся на ценные разыскания ростовского энтузиаста. Затем последовал целый ряд заметок и статей в газетах «Вечерняя Рига», «Вечерняя Одесса», «Гудок», «Водный транспорт», которые давали не биографию певцов, а общие, порой очень искренние и теплые рассуждения о его удивительной и трагической судьбе.

И вот наконец появилась обширная публикация Владимира Гридина и Александра Галаса «Возвращение Петра Лещенко», которой можно было бы только от всей души порадоваться, если б она не содержала в себе произвольные, документально не подтвержденные сообщения, явно рассчитанные на сенсацию, на легковверные или неосведомленные читателей.

Авторы названной статьи пишут: «Как сообщалось в печати и радиопередачах, Петр Константинович родился в 1898 году в селе Исаево на Одессине. Настоящая фамилия его — Мартынович...» В какой печати сообщалось об этом? В каких радиопередачах? Оказывается, в «Вечерней Одессе», 19 марта 1989 года, где помещено интервью того же Александра Галаса, взятое у певицы из Румынии Аллы Баяновой (Левицкой). «Мы с моим мужем Жоржем Ипсиланти, — поведала она, — много работали вместе с Лещенко, еще тогда, когда он носил свою настоящую фамилию Мартынович...». Когда же это было? А. Баянова переехала на жительство в Бухарест в 1932 году, уже тогда, когда певца Петра Лещенко знала вся Европа: он объездил с концертами все столичные города и сделал записи своих песен на граммофонной фирме «Парлофон» (Германия), которые раскупались нарасхват... В радиопередаче «После полуночи. Душа тебе по-прежнему верна» (ведущий Владимир Заика)

Алла Баянова повторила сотворенную легенду о «Мартыновиче». Но зачем? Возможно, чтобы поразить слушателей и почитателей таланта Петра Лещенко своей осведомленностью? Как можно столь уверенно говорить о том, чего не знаешь, тем более не состоя «ни опекушкой Лещенко, ни поверенной в его делах» (это я цитирую слова самого певца по другому поводу, обращенные совсем к другой особе)?

Таким образом, авторы публикации ссылаются на один и тот же источник — Аллу Баянову, цитируют собственную же статью, добавляя, впрочем, в свидетели еще одного престарелого музыканта из города Бендеры Б. И. Петко и показанную им давнюю фотографию (копия ее у меня есть) с надписью на румынском языке: «Петрушка и Розика — дуэт Мартыновичи». Скажу более того, есть еще одна фотография 1930 года (оригинал в моей коллекции), где внизу была надпись «П. Мартынович», к сожалению, из предосторожности некогда отрезанная гидом. Так в чем же дело? Значит, румынская певица и товарищи В. Гридин и А. Галас правы? Отнюдь нет: Мартынович — псевдоним певца, когда он находился на гастролях в Югославии. В документе от 15 апреля 1931 года в графе «Псевдоним» рукою артиста написано — Мартынович. Об этом же мне говорил и певец Константин Тарасович Сокольский (коллега П. К. Лещенко), когда в сентябре прошлого года я посетил его в рижском доме по улице Революции, 35.

Спрашивается: допустимо ли исследователям русской музыкальной культуры пользоваться одними лишь «версиями» да рассказами? А где же документальные факты? Их просто нет!

Столь же бездоказательно авторы пишут о встрече Петра Лещенко в Одессе с «молодым куплетистом Зильберфайном» (будущим Утесовым). Кстати, Ю. Дмитриев называет другую его, настоящую фамилию — Вайсбейн (см. Дмитриев Ю. «Леонид Утесов», М., «Искусство», 1982, стр. 7). Кому же верить? «Встреча эта, — утверждают авторы, — оказала воздействие не только на творческие интересы Лещенко, но и на выбор жизненного пути». И данное утверждение основано только лишь на одной авторской претензии, на погоне за сенсацией.

И дальше.

Совершенно неверно, что П. Лещенко как певец вырос в иной среде, чем Александр Вертинский: и у того, и у другого был один слушатель — разнокалиберная русская эмиграция. Другое дело, что своеобразные песни Вертинского имели более глубокое социальное, драматическое содержание и требовали определенного настроения у слушателя, чтобы их воспринимать и понимать. Лещенко был куда проще! Вполне правильно заметила писательница Наталья Ильина, что слова

некоторых песенок Вертинского «не слишком удачны», но утверждать, что они «весьма элементарны», как это делают авторы, — несправедливо. Напротив, тексты песен даже изощренные, но зато вполне в духе Вертинского, и, как можно заметить, в них всегда взят верный мелодический тон. Справедливость требует сказать и о том, что популярность П. Лещенко в 30—50-е годы намного превосходила известность не только А. Вертинского, но и самого Леонида Утесова, хотя диски последнего в СССР бесконечно тиражировались и он царил всюду — и в эфире, и на эстраде, и на страницах газет...

По мнению авторов, фольклорный песенный жанр лишен «серьезных идей, тонких чувств и сильных страстей». Как бы не так! Все великие творцы (да и поскорее величины, например М. Исаковский или же И. Дунаевский) постоянно обращались в своем творчестве к сокровенным народным истокам — поэтическим и песенным, находя в них то первозданное, вечное, чего нельзя найти ни в самой талантливой книге, ни в самом гениальном клавише...

И уж совсем утомительно читать о специфическом «одесском говорке», на котором якобы изъяснялся Петр Лещенко, — «с чуть гнусавыми шипящими и легким подвыванием». Увы, все это досужие домыслы, ничего общего не имеющие не только с истиной, но даже с вероятностью...

Я не намерен дальше анализировать данную публикацию, ибо все в ней шито на живую нитку, приблизительно, неточно, кроме общеизвестных уже фактов, перекочевавших из других публикаций о Петре Лещенко в эту последнюю. И возникает законный вопрос: зачем же этот явно сырой материал, наполненный непроверенной информацией, произвольными выкладками ума и воображения, было помещать в солидном столичном издании «Музыкальная жизнь» (№ 18, 1989), выходящем 132-тысячным тиражом?

Так, казалось бы, достойное и доброе дело, за которое взялись авторы «Возвращения Петра Лещенко», обернулось для певца фактическим искажением его биографии, его творческого облика. Свообразная, талантливая личность русского артиста-самородка, артиста-страдальца, замученного в лагерях, на поверку оказалась представлена в косых мутных огнях рамы...

Разумеется, многое в биографии Петра Лещенко еще предстоит выяснить, исследовать, доказать с документами в руках. Доказать убедительно, без претенциозности и бьющих на внешний эффект утверждений, порой граничащих с фантастикой...

Виталий БАРДАДЫМ,
краевед

КРАСНОДАР